

Личные тайны следователя
Петелиной

Сергей
Бакшеев

ОПАСНАЯ УЛИКА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б19

Бакшеев, Сергей Павлович.

Б19 **Опасная улика / Сергей Бакшеев. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Петля. Личные тайны следователя Петелиной).**

ISBN 978-5-04-180248-6

Катя еще могла связно говорить, могла вспоминать, даже смогла назвать имя своего обидчика. Но отчетливо понимала, что ее жизнь отсчитывает последние минуты. И никто уже ничего не изменит. Даже отец, который в этот момент был особенно жалок. И его нелепые попытки вырвать дочь из порочного круга...

Она была спокойна как никогда. Решение принято. Мокрый ржавый край крыши скрипнул под ее ногой. Далеко внизу стоял ее отец, но он был уже в другом, параллельном мире.

Последнее, что Катя сделала осознанно, — это истощено и отчаянно крикнула и шагнула в пропасть...

Банальное самоубийство из-за неразделенной любви? Следователь Петелина сразу же отмечает эту версию. Смерть девушки подводит ее к цепочке кровавых событий, связывающих совсем незнакомых людей, каждый из которых ищет с виду пустячок: пропавшую почтовую марку.

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-180248-6

© Бакшеев С.П., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

1

Грязный снег перед подъездом многоэтажки оседал, превращаясь в расплзающиеся лужи. Игорь Васильевич Гребенкин сверился с адресом на бумажке. Пятидесятилетний нерадивый папаша впервые приехал в Москву для того, чтобы встретиться с взрослой дочерью. Линялая шапка-ушанка из ондатры, вышедшая из моды в прошлом веке, выдавала в нем провинциала. Гребенкин стоял перед домом дочери и терпеливо ждал, как они и договорились по телефону.

Хлопнула дверь. Из подъезда выпорхнула девушка с черной гривой волос, завитой мелким бесом. «Как она хороша!» — мысленно ахнул Гребенкин.

Распахнутая красная куртка с рыжей меховой подстежкой, белая блузка с откровенным декольте, черная кожаная юбка и высокие бордовые сапоги на шпильках подчеркивали сексуальность девушки.

— Катя! — выдохнул Игорь Васильевич, подавшись навстречу дочери.

Он заметил пунцовое пятно на ее скуле и свел брови.

— Кто?

— С Борькой поцапалась. Вечно недоволен, мразь!

— Я знаю, чем ты вынуждена заниматься. Но я с этим покончу. Для того и приехал. Только покажи мне его!

— Ничего ты не понимаешь. Это моя жизнь.

— К черту такую жизнь! Теперь все будет по-другому. — Гребенкин засуетился, извлекая из кармана коробочку с покатой крышкой. — Вот. Это кольцо я хотел подарить твоей маме. Оно твое, Катя.

— Врешь! Чего же ты смылся, как только я родилась?

— Меня перевели в другую часть. Я был офицером и не мог...

— Вечно у вас, мужиков, отговорки. — Катя примерила колечко с голубым камешком, покрутила ладошкой. Выражение ее лица немного смягчилось. — Ладно, бабы тоже не ангелы. Сейчас я тебе такое расскажу!

Девушка высоко подняла голову. Ее шея вытянулась, а сузившиеся глаза пытались что-то разглядеть на крыше.

— В чем дело? — обеспокоился Гребенкин.

— Тебя ждет сюрприз. Огромный сюрприз! — нервно затараторила девушка. — Стой здесь, скоро сам все увидишь, папаша.

Катя ладонью остановила мужчину, который хотел последовать за ней, и забежала в подъезд.

Оставшись один, Гребенкин потоптался между луж, невольно вспомнив, что сегодня первое апреля — день розыгрышей. Что задумала Катя? Он уже давно отвык от шуток.

Рядом около чистенького серебристого автомобиля «Шкода» курили двое мужчин средних лет. Гордый хозяин, прищулив глаз, любовно демонстрировал идеальность лакокрасочного покрытия автомобиля.

— Зацени, сосед. Крышу выправили идеально. Стекла поменяли, покрасили в камере, как положено, и еще полировка. Все за свои кровные!

— Что с девки-самоубийцы возьмешь...

— С шестнадцатого этажа сиганула. Не могла рядом шлепнуться.

— Теперь машина как новенькая. Не боишься на то же самое место ставить?

Владелец «Шкоды» усмехнулся:

— Ну, ты загнул! Два раза в одну воронку бомба не...

И тут женский крик, пронзительный и резкий, как звон разбитого стекла, заставил мужчин задрать головы. Увидев невообразимое, они с ужасом отпрянули. Через секунду на их глазах на отремонтированную машину грохнулось женское тело. Хрустнули стекла, завизжала сигнализация. Мужчины обомлели. У одного из них отвисла челюсть, с губы упала тлеющая сигарета. Ноги владельца машины подкосились, и он осел на мокрый снег.

Игорь Гребенкин подбежал к машине. Его расширенные глаза сразу узнали бордовые сапоги и красную куртку. Девушка упала спиной на стык крыши и лобового стекла, ударившись затылком о капот. Ее лицо закрывали кудряшки, под головой расплывалось кровавое пятно. На свисающей безжизненной руке Гребенкин заметил знакомое колечко с топазом. Отказываясь верить собственным глазам, он откинул черные пряди волос с матового лица девушки и взвыл от боли.

На смятой машине лежала его дочь Катя.

2

В первый день после отпуска идешь на работу, как на новое место, — все вроде бы знакомое, но будто не твое, и приходится заново вживаться в привычное окружение. А порой испытываешь такое ощущение, словно очнулся от спячки в скоростном поезде, который проехал полмира, пока ты никуда не спешил. Или кажешься себе начинающим гонщиком, который выводит непрогретый автомобиль на трассу, где коллеги наматывают круги на неистовых скоростях, сидя в гоночных болидах.

Примерно так чувствовала себя старший следователь майор юстиции Елена Павловна Петелина, поднимаясь в свой кабинет. Она наивно полагала, что коллеги обраду-

ются ее появлению и особо отметят тайландский загар. Размечталась! Вот прошмыгнул озабоченный подполковник: «Привет». «Привет» — будто они видятся каждый день и не было двух недель перерыва. А еще скрупулезным следователем считается!

Ближе к обеду служба вошла в привычное русло: почта просмотрена, документы разобраны и систематизированы, необходимые звонки сделаны. Последними новостями поделились «девчонки» из канцелярии во время чаепития. Они, конечно, дружно выпытывали про отпуск. Тем более что две недели на тропическом острове Пхукет Елена провела не только с дочкой Настей, но и с оперативником Маратом Валеевым. Пришлось выслушать многозначительное «И как он?», «Да что ты!» и смириться с режущим слух определением «гражданский муж».

— Ленок, наконец-то прилетела! — В кабинет к Елене ворвался ее бывший муж Сергей Петелин.

С бизнесменом Сергеем Елена развелась пять лет назад, не выдержав его постоянных измен и вечных упреков в том, что работа для нее важнее семьи. Их тринадцатилетняя дочь Настя оставалась связующим звеном между бывшими супругами.

— Кто тебя впустил, Петелин?

— Да на меня вот-вот уголовное дело заведут! Я сюда, в Следственный комитет, как на работу ходить буду.

— Какое дело? Ты можешь говорить спокойно?

Сергей Петелин являлся владельцем транспортной компании. Как у всякого бизнесмена, у него бывали проблемы, и он по-родственному обращался за консультацией к бывшей жене — у старшего следователя помимо опыта имелись еще и немалые возможности.

— Я влип. По-крупному! — Сергей плюхнулся на стул и вытер ладонью потный лоб.

— Да объясни толком!

— Понимаешь, я получил заказ на перевозку крупной партии медикаментов из Москвы в Волгоград, от поставщика к покупателю. Обычное дело: загрузил две фуры и отправил. Конечным пунктом в документах значился складской комплекс «Южный» на улице Промышленная, пятнадцать. Вот товарно-транспортные накладные.

Елена мельком взглянула на бумаги с отметкой о приемке товара.

— И зачем ты мне их показываешь?

— Ты выслушай до конца. Прибыли мои водилы в Волгоград поздно вечером, сунулись на базу, на складе их ждут. Ну, и сгрузили!

— Я вижу. Дальше-то что?

— А то! Покупателем числится фирма «Фарма-прод». А они отдали товар в ангар «Фарма-проф»! Посмотри на печать!

Елена легко убедилась в том, что последняя буква в реквизитах покупателя и на печати грузополучателя не совпадает. Следовательно, это были разные юридические лица.

— Водилы ни черта не заметили, фуры вернулись в Москву. И тут ко мне крутые претензии — где товар? Стали разбираться. Ангар, куда сгрузили препараты, пуст! Никакой «Фарма-проф» нет! А «Фарма-прод» — вот она, рядом, сто лет там сидит!

— И что теперь?

Сергей тяжело вздохнул.

— Кранты мне. Я принял товар как ответственный перевозчик и сбыл его неизвестно куда. Поставщик и покупатель требуют с меня деньги. А это три миллиона американских долларов!

— Юридически они правы.

— Но это же откровенное кидалово, Ленок!

— Будешь разбираться по понятиям?

— Прошли те времена. Они обратятся в суд и выиграют.

— Жалеешь о былой «крыше»?

— Не издевайся, Ленок. Лучше скажи, что делать?

— Надо подать заявление о мошенничестве. Заведут уголовное дело. И если следователь попадетсЯ толковый...

— Ты же следователь!

— Петелин, я работаю по другим делам и в другом городе.

— Поставщик московский, он с покупателем заодно, я уверен!

— Преступный сговор и факт мошенничества нужно будет доказать.

— Так помоги мне, Лена!

— Петелин, ты не понимаешь... — Елена накрыла ладонью стопку папок на столе. — Я работаю в рамках тех уголовных дел, которые доверены мне руководством. В твоём случае дело будут вести волгоградские следователи.

— Значит, ты отказываешься помочь отцу своего ребенка? — оскорбился Петелин.

— Я могу позвонить, попросить. Не более.

— Не более, — ядовито процедил Сергей. — Понравилось на мои деньги с любовником в Таиланде развлекаться? Небось, посмеивались с Маратом надо мной. Как же, нашли лоха, который оплачивает ваши путешествия.

Елена встала.

— Вот что, Петелин. Ты давал деньги на отдых дочери. Я и Марат отдыхали на свои. И он мне не любовник, а ты не муж.

— А кто же он? Самец для случайных связей? Самочке приспичило, и она закрутила хвостом...

— Пошел вон! — вскипела Елена.

Сергей Петелин поднялся, сгребая в папку накладные.

— Три миллиона баксов для меня большая сумма. Если я ее лишусь — считай, разорен. Ни ты, ни Настя от

меня ни копейки не получите. Ты хотя бы об этом подумай.

Сергей никогда не был скрягой. Он обеспечил бывшую супругу и дочь хорошей квартирой, выплачивал им ежемесячное пособие и частенько баловал Настю подарками. На отдых дочери он тоже не скупился. Этого Елена не отрицала.

«Но деньги не дают ему права оскорблять меня!»

— Уходи, Петелин, — сдерживая гнев, приказала Елена.

На столе громко зазвонил ее смартфон. По забойной песенке The Beatles «Love me do» Елена узнала, что звонит Марат Валеев. Сергей разглядел фото на дисплее и процедил сквозь зубы ругательства. Елена не спешила прикрывать рукой снимок, который сделала на тайском пляже, — на нем загорелый Марат стремился к ней с бесстыжим блеском в глазах.

— Да пошли вы оба! — Бывший муж вышел, хлопнув дверью.

Елена перевела дух и откликнулась на назойливые слова песни, легко переводимые с английского: «Люби, люби меня. Ты знаешь, я люблю тебя. Я всегда буду верен тебе, так что, пожалуйста, люби меня. Оу-оу, люби меня!» Марат нарочно установил эту мелодию на свой вызов, потому что в моменты близости часто шептал Елене на ушко подобные глупости.

Но на этот раз его голос звучал озабоченно:

— Ленусь, с первым трудовым днем. У нас тут странный суицид. Совсем еще девчонка. Приехать сможешь?

3

Генерал Константин Викторович Баюкин не виделся с сыном Алексеем почти пять лет. Первый разлад произошел из-за того, что генерал развелся с располневшей до неприличия женой и в его квартире появилась энергич-

ная сексапильная фурия, ровесница Алексея. Окончательно сын-офицер обиделся, когда отец грубо отказал составить ему протекцию по службе. Баюкин-старший дышал кондиционированным воздухом в уютном кабинете Главного квартирно-эксплуатационного управления Министерства обороны. А капитан Алексей Баюкин глотал дорожную пыль в мотострелковой бригаде в беспокойном Дагестане.

Разве трудно отцу похлопотать о переводе сына на хорошую должность в Москву или в Московскую область? Так многие поступают. Но генерал Баюкин всего добился сам и считал, что тяготы военной службы в горячей точке пойдут сыну на пользу. Подобные доводы бесили Алексея. Ему тридцать, а он все еще капитан при отце генерале! Сослуживцы пальцем у виска крутили, слыша о «правильном» папочке.

Однако доминирующей чертой характера генерала Баюкина была не верность долгу, а природная осторожность. На пути к заветной цели он боялся погореть на пустяках. На примерах зарвавшихся коллег генерал уяснил: скромным казаться выгодно — до поры до времени. Обтяпывая делишки и не высовывайся. И вот наступал момент, когда можно будет пожинать плоды былой осторожности...

В прихожей запиликал звонок. Генерал ждал его и поспешил к двери. Сын приехал в линялой летной куртке с оторванной эмблемой и с небольшой дорожной сумкой через плечо. Его покрасневшие от ветра глаза ощупывали отца с настороженной угрюмостью.

— Проходи-проходи, — засуетился Баюкин-старший, похлопывая Алексея по плечу. — Давай сразу на кухню. Отметим.

Он усадил сына за стол, на котором уже стояла бутылка водки и легкая закуска. Константин Викторович первым делом наполнил стопки.

— Хорошо, что приехал. Ну, за встречу!

Алексей огляделся.

— А где твоя...

— Забудь! — не дал ему договорить генерал. — Я давно выгнал эту вертихвостку. Молодуха сучкой оказалась, деньги транжирила, гуляла на стороне. Эх, да что там!

Генерал залпом выпил водку, закусил маринованным огурчиком.

— По хозяйству я теперь справляюсь сам, а с этим делом... Мне же не много надо. Раз в неделю приглашаю девушку по вызову. Она и моложе той, и нервы у нее на месте, и дешевле обходится. Чего застыл? Теперь с этим просто, не то что в былые годы из-за этих парткомов. Пей, Алексей.

Баюкин-младший осушил стопку, вытер кулаком губы.

— Выходит, ты мать на шлюху променял.

— Не заводись, Леша.

— Ее выгнал и мне ни хрена не помог. Служу в самом пекле, ни квартиры, ни звания! Бабу пригласить некуда. А папаша хвастается тем, как продажных телок в трехкомнатных хоромах мнет.

— С прошлым покончено! А тебе я не помогал для твоего же блага.

— Да? — изображая удивление, округлил глаза Алексей. — Объясни тупому капитану.

— Давай выпьем, как раньше. Помнишь, как твои лейтенантские погоны обмывали?

— Да плевать мне на воспоминания!

— Ты не ори на отца, а выслушай! — Генерал снова выпил водки, сын последовал его примеру. — Ты телевизор смотришь, в курсе, какие сейчас порядки? А какая у меня должность, забыл? Декларации, проверки, сопоставление доходов и расходов — эх, да что там! Ты думаешь, мне для сына квартиру жалко? Нет! Но я постоянно

под колпаком. Малейший факт, обвинят в коррупции — и меня посадят, и у тебя квартиру отберут.

— Выходит, ты самый честный работник в Министерстве обороны?

— Самый осторожный.

— За осторожность страуса! — поднял стопку Алексей. — Ничего не вижу, ничего не слышу, а каждый, кто захочет — может дать мне под...

— Дурак ты, Леша! — Генерал снова выпил. Его лицо постепенно багровело. — Я тоже при делах. Знаешь, как квартиры для военнослужащих, уволенных в запас, уходят налево? Это хитрая система! Я оформляю фиктивные выписки из приказа на получение социального жилья. Другой человек подделывает договоры о социальном найме с районными квартирно-эксплуатационными частями. Юрист предъявляет в суд иски на права приватизации недвижимости. «Наш» судья штампует решение. На квартиры получают подлинные документы о собственности, и все — выставляй на продажу.

— И в чем же заключается твоя осторожность?

— А в том, что я подделываю подпись своего начальника и денег за это не получаю.

— Вот она — святая благотворительность! Метишь в кресло Папы Римского?

— Я получаю нечто другое, не менее ценное.

— Золото, бриллианты?

— Тоненький конверт, который легко провезти за границу.

Баюкин-младший снова выпил, поковырял вилкой салат, пожевал и искоса посмотрел на отца:

— Зачем ты меня вызвал? Водку жрать я могу и в Дагестане.

— Началось расследование по квартирам, взялись крепко.

— Тебя посодют, а ты не воруй! — парировал сын крылатой фразой из популярного фильма.

— Не дерзи отцу, Алексей!

— Зови меня Алексом, так привычнее.

Генерал залпом выпил, закусил, исподлбывая изучая сына.

— Через две недели мне пятьдесят пять, если помнишь. Самое время сваливать, пока не поздно. Я уже подал рапорт об отставке. Уйду на пенсию, уеду в Латвию, куплю домик, получу вид на жительство. Отсюда я ничего не возьму. Квартира в престижном генеральском доме достанется тебе. Я уже нанял адвоката на случай неприятностей. Его зовут Денис Гомельский. Он подготовил бумаги. Подпишешь — и эта квартира твоя! А еще я похлопочу о твоём переводе в Москву. Есть два варианта...

— Какие варианты? Ты хоть знаешь, что я получил ранение и контузию? Два месяца валялся в госпитале, а неделю назад меня комиссовали!

— Все настолько серьезно?

— Иногда так накатит... — Алекс оскалился и ожесточенно постучал себя по голове. — В башке словно червь завелся. Всех готов разорвать!

— Ладно, на «гражданке» тоже есть хорошие должности. Что-нибудь придумаем.

Генерал налил в стакан воды и стал медленно пить, хмурия брови.

— Вот еще какое дело. — Баюкин-старший поднял глаза на сына. — Я с тобой откровенен. Адвокат Гомельский предупредил: если следствие выйдет на меня, возможен обыск. Я должен избавиться от любых подозрительных улик. Денег и ценностей я не держу, а вот конверт... Будет лучше, если ты его заберешь и поживешь у мамы.

— Какой конверт?

— Тот самый, который лучше денег. Два конверта у меня уже были, это третий. Самый ценный.

— Ни хрена не понял.

Генерал хитро улыбнулся:

— Идем покажу.

Отец и сын вошли в просторную гостиную. Генерал направился к книжному шкафу, раздвинул книги, на секунду опешил и принялся торопливо перебирать соседние тома.

— Что такое?! Где? Вчера еще он был тут! — кипятился генерал.

На пол полетели книги с полок. Когда шкаф опустел, Баюкин-старший опустил руки.

— Нет конверта. Исчез. — Он задумался. — Катька! Больше никому.

— Какая Катька? — Видя состояние отца, Алекс все-таки обезопасился.

— Проститутка. Была у меня ночью, утром свалила. Только она могла утащить конверт! — Генерал, умоляюще глядя, схватился за сына. — Алекс, ты должен найти ее и вернуть конверт! Это чрезвычайно важно! Тебя никто не знает, можешь действовать смело, а мне светиться нельзя.

— Что значит «смело»?

— Грохни эту суку, если надо, а конверт верни!

— Он так дорого стоит?

— Я отвалю тебе полмиллиона рублей.

— А квартира? Она тоже моя?

— Да, конечно.

— Ну, ладно. Как я найду эту шлюху?

— Запоминай. Она молодая — лет двадцать с небольшим. Фигуристая: грудь, талия, задница — все при ней. Ростом тебе до носа. Черные волосы ниже плеч, с завивкой. Темные, по-моему, карие глаза, пухлые губки, прямой нос — в общем, знойная сучка. На ней была красная куртка с лисьим мехом и высокие сапоги.

— Ты лучше скажи, где я могу найти эту чертову Катю?

— Так, вспомнил! — Генерал схватился за телефон. — Есть надежная зацепка. Я могу узнать, куда она поехала.

4

Найти место происшествия в жилом квартале, застроенном типовыми домами, не составило труда. Елена Петелина припарковала машину и направилась к зевакам, столпившимся за полицейской лентой, огораживающей квадрат у стены шестнадцатизэтажного дома. Старший лейтенант эксперт-криминалист Михаил Устинов, примчавшийся на мотоцикле, конечно, опередил следователя. Его большая вихрастая голова мелькала вокруг серебристого автомобиля «Шкода», на котором покоилось тело девушки.

Михаил Устинов, которого уважительно называли Головастиком, активно фотографировал и диктовал полному следователю по фамилии Егоров, прибывшему к месту происшествия из районного отдела полиции:

— Молодая женщина, возраст двадцать — двадцать три. Рост около ста семидесяти сантиметров. Волосы черные выющиеся, длиной ниже плеч. — Пальцы эксперта в латексных перчатках раздвинули веки погибшей. — Глаза карие, нос прямой, рот средний, губы пухлые. Одета в красную кожаную куртку, окантованную рыжим мехом. Успеваете записывать?

Егоров, поначалу заполнявший протокол осмотра на весу, положил папку на крышку багажника «Шкоды», и дело пошло быстрее.

Елена осмотрела погибшую. Как мама девочки-подростка, она всегда болезненно воспринимала смерть юных девушек. Верхняя одежда скрывала неизбежные внутренние переломы. Смертельная травма, скорее всего, припала на затылок, которым девушка стукнулась о капот. Удар был такой силы, что даже на лице проступили черные гематомы.

Елена подняла взгляд на край крыши и попыталась представить ужасное падение. Это было важно. Обостренные эмоции на месте преступления, когда еще не

известны факты, не собраны улики, стимулировали ее интуицию. Следователь не раз убеждалась в том, что зачастую мысли, которые первыми пришли ей в голову, давали толчок в правильном направлении, а сохраненная в памяти картина преступления, включая звуки и запахи, помогала в дальнейшей кабинетной работе.

Зафиксировав впечатления, Петелина отошла от машины и искала глазами оперативника капитана Марата Валеева. После ссоры с бывшим мужем ей хотелось почувствовать рядом с собой надежного мужчину. Однако сначала Елена увидела напарника Марата, Ивана Майорова. Высокий и крепкий старший лейтенант едва сдерживал худощавого озлобленного мужчину лет пятидесяти, одетого в потертую синтетическую куртку и старомодную меховую шапку-ушанку.

— Елена Павловна! — обратил на себя внимание оперативник. — Вот свидетель.

Под строгим взглядом женщины-следователя тот успокоился, и Ваня его отпустил.

— Кто вы? — спросила Петелина.

— Я ее отец! Это моя дочь Катя Гребенкина.

У Елены защемило в груди. Допрашивать родителей возле трупа только что погибшего ребенка — занятие для садистов. Но если речь идет об убийстве, первые часы — самые ценные в поиске преступника. И следовательно приходится забывать о тактичности.

— Я понимаю ваше состояние, но если вы хотите нам помочь... — Елена интуитивно поняла, что гнев отца можно направить в нужное русло. — Если девушку убили, мы должны немедленно поймать преступника. Расскажите, как все произошло?

— Мы встретились на этом месте. Катя забежала в подъезд, а потом...

— Представьте и рассказывайте подробно.

— Меня зовут Гребенкин Игорь Васильевич, приехал сегодня из Саратова. Как сошел с поезда, созвонился с Катей. Она назвала адрес, и я приехал сюда.

— Катя жила в этом доме?

— Кажется, да.

— Вы точно не знаете?

— Я расстался с ее матерью вскоре после рождения Кати. Это было в городе Грайворон, рядом с ним находилась воинская часть. Я служил, и меня перевели в Забайкалье. Мы не были женаты, и я уехал один, — оправдывался Гребенкин. — По молодости дураком был, даже не писал. Женился на другой, но ненадолго. Детей у нас не было. После окончания службы устроился в Саратове. А в этом году Катя сама меня нашла, через Интернет.

— Дочь написала вам?

— И даже приехала в Саратов! С тех пор я стал другим человеком, почувствовал, что не один на этом свете. Мы договорились встретиться сегодня в Москве. Я приехал, а тут...

— О чем вы говорили, когда встретились?

— Да ни о чем мы не успели поговорить! Я подарил ей колечко с топазом. Катя надела его, улыбнулась и пообещала, что меня ждет большой сюрприз. Она забежала в подъезд, а потом...

— Сюрприз? Она так и сказала?

— Да, огромный сюрприз. — Гребенкин сник еще больше. — Я ничего не понимаю. Неужели она имела в виду... Объясните, черт возьми, что здесь случилось?!

— Успокойтесь. Мы в этом обязательно разберемся. Катя выражала обиду?

— Какую обиду?

— Насколько я поняла, вы бросили ее маленькой и ни разу не интересовались ее жизнью.

— На что вы намекаете? Думаете, это случилось из-за меня?! Я приехал, чтобы помочь дочери!

— Сколько времени прошло между тем, как она вошла в подъезд и упала?

— Не знаю! — сорвался Гребенкин. — Я не хронометр!

— Ладно, об этом позже. Где сейчас ее мать?

— Как только Катя окончила школу, ее мамаша нашла по Интернету какого-то грека и умотала к нему. Посчитала, что воспитание дочери закончилось.

— Вы посчитали так гораздо раньше, — уколола следователь Гребенкина.

Она решила, что для первого разговора вопросов достаточно, лучше дать свидетелю прийти в себя.

Из подъезда появился Марат Валеев и сразу заметил стройную фигуру любимой женщины.

— Хорошо, что приехала, Лена.

— Если это самоубийство, ты зря меня выдернул.

— Послушай. Ровно сорок дней назад с этой крыши, на эту же машину бросилась девушка. Тогда это списали на самоубийство, а сейчас точно такой же случай. Один в один! Представляешь? Ты же любишь подобные загадки.

— Лучше бы я любила торт «Птичье молоко», — задумчиво произнесла Петелина, осмысливая неожиданную информацию.

— Сладкое — враг красивой талии. А я обожаю держать тебя здесь...

— Да прекрати ты! — Елена ударила Марата по руке. — Мы на месте преступления. Что у тебя?

— Я был на крыше. Обнаружил там женскую сумочку и бутылку.

Валеев продемонстрировал два прозрачных пакета. В одном была неполная бутылка коньяка, в другом — черная сумочка.

— Уже изучил?

— Нет.

— Передай находки Головастику.

Старший следователь и оперативник вернулись к эксперту-криминалисту Мише Устинову. Тело девушки

только что увезли санитары. На смятом капоте серебристого автомобиля лоснилась глянец алая лужица. Цвет крови зависит от поверхности. На земле она кажется черной, а здесь был именно тот сочный цвет, которым предпочитают красить губы зрелые женщины, находящиеся в поиске.

— Миша, ты обнаружил что-нибудь? — поинтересовалась Петелина.

— Пока ничего особенного, Елена Павловна. Но для экспертизы я кое-что собрал. — Головастик сложил немногочисленные пакетики с уликами в рюкзак. — А эта фотография была у погибшей в кармане.

Елена взяла снимок. Еще одна проклятая издержки профессии — вечно помнить о зыбкости жизни. Час назад юная девушка, у которой вся жизнь была впереди, выглядела вот так, а сейчас ее разбитое остывающее тело покоится в пластиковом мешке по пути в морг.

Со снимка, сделанного зимой, смотрели Катя Гребенкина и ее отец. Ветер играл волосами девушки, она пыталась заправить локоны под вязаную шапочку и сдержанно улыбалась, а Игорь Васильевич Гребенкин блеснул залысинами и напряженно косился на дочь.

— Вот тебе, Головастик, презент с крыши. — Валеев поставил на багажник «Шкоды» женскую сумочку и бутылку коньяка в полиэтиленовых пакетах.

— Почему без меня? Следы затопчете! — возмутился эксперт.

— Какие следы? На крыше лужи. Я изъездил вещдоки в присутствии сотрудников ППС.

Петелина приоткрыла женскую сумочку и увидела паспорт.

— Гребенкина Екатерина Игоревна. Двадцать один год. Зарегистрирована по месту жительства в городе Грайворон Белгородской области, — пролистала страницы следователь. — Хорошо хоть с установлением личности проблем нет.

— И с поиском убийцы тоже. — Миша Устинов извлек из сумочки пачку сигарет и продемонстрировал предупреждающую надпись. — «Курение убивает!» Преступление раскрыто, Елена Павловна.

— Шутник, — покачал головой Валеев.

Под обложкой паспорта Петелина заметила сложенный клочок бумаги. Следователь достала его, но не успела развернуть. Расталкивая полицейских, к машине пробивался рассерженный гражданин.

— Это владелец автомобиля, — пояснил Егоров в ответ на немой вопрос следователя.

— Пропустите его, — разрешила Петелина.

— Кто мне заплатит? Я только что починил машину! — возмущался мужчина. — Месяц назад такая же фигня! Они хотят доконать меня!

— Успокойтесь. Вы видели раньше эту девушку?

— Да я постоянно эту потаскуху видел! У них притон в четвертом подъезде.

— Какой притон? Вы утверждаете, что погибшая девушка занималась проституцией?

— Конечно! И та первая была ее подружкой. За что они возненавидели мою машину?

— Не смей! Не смей оскорблять мою Катю!

К владельцу машины упрямо проталкивался Игорь Гребенкин. Его придерживал за куртку Ваня Майоров, готовый в любой момент скрутить разбушевавшегося мужчину.

— Ах, она твоя! Значит, плати!

По собственному опыту Петелина знала, что мужчин, как и детей, вошедших в раж, можно успокоить, переключив их внимание на совершенно другую тему.

— Когда последний раз здесь был дождь? — с нажимом спросила она, обращаясь к обоим спорщикам.

— Я из Саратова сегодня приехал, — после паузы произнес Гребенкин.

— Какой дождь? Неделю назад шел снег, — пролепетал владелец «Шкоды».

— Это хорошо, — похвалила озадаченных мужчин Елена. — А теперь вспомните, кто первым подошел к девушке?

— Я, — отрешенно ответил Гребенкин.

— Миша, займись им. А вы, гражданин потерпевший, — Петелина взяла под локоть владельца машины, — покажете нам квартиру, где проживала девушка.

— Четвертый подъезд, сто восьмидесятая квартира. Я уже пытался с них деньги получить. Бесполезно! — отдернул руку недовольный мужчина.

— Ваше заявление примет сотрудник полиции.

Елена передала автолюбителя в руки местного следователя Егорова, а сама вместе с оперативниками направилась в четвертый подъезд. Входя в дом, она вспомнила о бумажке, вложенной в паспорт, и развернула ее. Это была страница блокнота, исписанная неровными строками повторяющихся слов: «Борька сволочь. Борька сволочь. Борька сволочь...»

«Банальное самоубийство из-за неразделенной любви», — было первой мыслью следователя.

Тем временем Михаил Устинов предложил Гребенкину жевательную резинку.

— Это от нервов. Помогает. — Он дождался, пока Гребенкин начал механически жевать, и попросил: — Припомните, в каком положении вы застали тело?

— Голова была здесь. У Кати длинные волосы. Я откинул их, чтобы убедиться, и... — Гребенкин сморщился, глядя на кровавое пятно, выплюнул жвачку и взмолился: — Я покажу на другой машине.

— Как вам будет удобно, — согласился Устинов, незаметно подбирая влажный комочек жевательной резинки.

5

Марат Валеев протянул палец к звонку сто восьмидесятой квартиры.

— Подожди! — остановила его Петелина. Она достала ключи из сумочки погибшей. — Заодно проверим.

Ключ мягко вошел в скважину замка и дважды повернулся. Следователь открыла дверь и пропустила вперед оперативников, взявших пистолеты на изготовку.

— Катька, ты, что ли? — раздался женский голос из-за закрытой комнаты.

Валеев толкнул дверь, проверил комнату, глядя в прицел пистолета, и опустил оружие.

— Ни фиги себе! — встретил его тихий возглас.

На широкой кровати, занимавшей большую часть спальни, сидела девушка в атласном халате и красила ногти. От удивления ее глаза и рот округлились. Растопыренные пальцы торчали на уровне груди. Елена вынуждена была согласиться с мужским утверждением: женщины наиболее беспомощны в те моменты, когда подсыхает лак у них на ногтях!

Елена развернула свое удостоверение и представилась:

— Старший следователь Следственного комитета Петелина Елена Павловна. Кто-нибудь еще есть в квартире?

Девушка отрицательно качнула головой. Оперативники продолжили осмотр помещения, а Елена решила сесть рядом с ней.

— Любишь яркие цвета?

— Клиентам нравится.

— Значит, не отрицаешь, что занимаешься проституцией?

— Ой, что вы! Я только по любви. — Девушка оправилась от шока и криво усмехнулась.

— Сегодня с одним, завтра с другим.

— Я влюбчивая. — Девушка затрясла кистями рук, чтобы красные ногти быстрее подсохли.

— Я здесь не по поводу проституции.

— Классно! А то менты уже достали проверками. И что же вам надо?

— Как тебя зовут?

— Лиза. Елизавета Малышко.

— Катю Гребенкину давно видела?

— Она на крыше, меня ждет.

Петелина подошла к окну и отодвинула тяжелую штору. Оно выходило на сторону, противоположную тому месту, куда упала Катя Гребенкина. Лиза тоже встала. Елена пригляделась к ней. Черные вьющиеся волосы, собранные в пучок, темные глаза, манящие губы, ладная фигурка, на лице наивность, а в движениях сексуальность, легко воспламеняющая фитиль мужской похоти.

— Зачем вам на крышу?

— Подружку помянуть. Сорок дней, как Стела с крыши бросилась. Мы вдвоем жили.

— Как вы попадаете на крышу?

— У лифтера ключи выпросили. Там курить классно. И можно выйти через соседний подъезд, если какой-нибудь придурок доставать будет.

— А часто достают?

— Бывает. Эти проблемы Борька Беспалый решает.

— Борька? — Петелина вспомнила записку погибшей, проклинавшей некоего Бориса. — Это ваш сутенер?

— Он называет себя менеджером. Урод!

— Беспалый — его фамилия?

— Беспалый, потому что без пальца. А фамилия, кажется, Мануйлов. Менеджер модельного агентства «Нежная лилия». Там он девчонок и обрабатывает.

— Он был здесь сегодня?

— Вы его ищите? Так бы сразу и сказали. Я могу дать вам его телефон. — Лиза взяла с комода розовый мобиль-

ник и продиктовала номер. — Борька приходил сегодня. Как всегда, был недоволен, боялся, что деньги заныкаем. Матерился, козлина. Я дрыхла после ночи. С ним Катька цапалась.

— И что потом?

— Катя напомнила мне, что надо помянуть Стелу. Мы с ней почти год вместе прожили.

— Стела — это та девушка, которая бросилась с крыши?

— Сорок дней сегодня. Катя пошла за коньяком и сказала, что будет ждать меня на том самом месте, на крыше.

— Ваша подруга Стела сама это сделала?

— Стела из Молдавии приехала. У нее фамилия была смешная: Стела Сосеску. Ну, мы и смеялись: тебе на роду написано мужиков ублажать. Она обижалась. Потом влюбилась в аспиранта из МГУ, а он узнал о ее занятии и послал в то самое место, которым мы зарабатываем. Ну не сволочи мужики, а?

— Всякие попадают, — уклончиво ответила Петелина. — Так что случилось со Стелой?

— Скисла. Клиенты жаловались, Беспалый был страшно недоволен, а мы... Не углядели за дурехой. В нашем деле надо быть циничной стервой, как Катя. — Лиза подула на пальчики. — Кажется, высохли. Пора одеваться. Меня Катя ждет.

В комнату заглянул Марат:

— Лена, тут еще две спальни, такие же, как эта. И никого.

Лиза Малышко демонстративно развязала пояс на халате и выпятила грудь. Обнаженную плоть прикрывали только красные стринги и прозрачные колготки.

— Дверь закрой, мент! Девушке одеться надо.

Елена перехватила заинтересованный взгляд Марата, скользнувший по молодому телу, и встала между ним и развязной девчонкой.

— Не спеши, Лиза. Катя Гребенкина тебя уже не ждет. Она погибла.

— Как? — выдохнула опешившая девушка.

— Точно так же, как Стела Сосеску. Упала с крыши.

— Вот блин! — Лиза опустилась на кровать.

— Я должна разобраться в том, что случилось. В какой комнате жила Катя? Нам надо осмотреть ее вещи.

— Дверь справа.

Нахальство Лизы мгновенно улетучилось. Она с потеряннм видом сидела на кровати и хлопала глазками, пока оперативники работали в квартире. Лиза бесстрастно отвечала на вопросы и обещала явиться к следователю по первому зову. Однако как только за полицейскими закрылась дверь квартиры, девушка встрепенулась, бросилась к шкафу и стала лихорадочно собираться. В ее голове формировался план бегства.

«Ничего яркого, к черту мини-юбку, никаких шпилек и ботфортов! Я должна раствориться в толпе. Волосы в хвостик, макияж на фиг. Никакой сексуальной провокации! Что тут есть? Джинсы, правда, с бисером на задних карманах. Сойдет. Белый свитер с губами во всю грудь — под курткой не видно. Поверх голубую дутую курточку — блестит, зараза, в свете фар, но в таких и студентки ходят. На ноги вот эти ботиночки попроще. И сиреневую вязаную шапку-колпак не забыть — под нее можно спрятать длинные волосы. Как я выгляжу? — Лиза посмотрелась в зеркало на стене и осталась довольна. — Не серая мышка, но и до панельной шлюхи далеко».

Уже одевшись, она взяла телефон, набрала номер, который недавно сообщила следователю, дождалась ответа и скороговоркой выпалила:

— Борис, Катя погибла. Бросилась с крыши так же, как Стела. Ко мне приходили менты и следователь. Они будут тебя искать. Сматывайся!

И нажала «отбой». Сутенер тут же перезвонил, но Лиза раскрыла трубку, вытряхнула аккумулятор и вытащила «симку». Из сумочки она достала упаковку с новой сим-картой и вставила ее в телефон. Девушка склонила голову и закрыла глаза.

— Что еще? Что еще? — шептали ее губы.

Она метнулась к комоду и, достав из ящика альбом с фотографиями, побежала в санузел. Пальчики с накрашенными ноготками извлекали из пластиковых кармашков снимок за снимком, чиркали зажигалкой, и огонь пожирал лица девушек: Кати, Лизы и Стелы. Обгоревшие уголки фотографий падали в унитаз. Закончив, Лиза спустила воду.

Пора исчезнуть.

Она прильнула к глазку на входной двери, убедилась, что на площадке никого нет, и выскользнула из квартиры. Решив перестраховаться, Лиза не стала вызывать лифт, а осторожно пошла вниз по лестнице. Спустившись на три этажа, прислушалась. Никого. Девушка приподняла распахнутый подоконник и вытащила оттуда обычный конверт. Убедившись, что содержимое не пропало, она сунула его в сумочку и, уже не таясь, побежала вниз.

Сотрудники полиции покинули двор, но жильцы у разбитой машины продолжали обсуждать происшествие. Лиза на мгновение задержалась и невольно взглянула на место, где нашли ужасную смерть две ее подружки. Проходить рядом с окровавленной машиной ей не хотелось. Девушка поглубже надвинула капюшон теплой куртки и поспешила в противоположном направлении.

Как только она завернула за угол и почувствовала себя в безопасности, чьи-то руки обхватили ее сзади — одна сжала живот, другая жестко сдавила локтевым суставом шею. Девушка беспомощно задержалась, не в силах крикнуть.

6

Таксист остановился у ворот больницы и предупредил угрюмого клиента, одетого в куртку армейского образца:

— Приехали. На территорию машину не пустят.

Алекс Баюкин сунул водителю очередную тысячу и приказал:

— Жди здесь.

Бывший капитан вооруженных сил надвинул на лоб утепленную кепку, подошел к охраннику, сидевшему в будке у шлагбаума, и спросил, как пройти в морг. Усатый дядька звучно втянул в себя чай из большой кружки и без тени сочувствия указал направление. Топать пришлось на задворки огороженной территории.

Баюкин-старший весьма кстати вспомнил, что укравшая конверт проститутка Катя пользовалась одной и той же службой такси. Иногда генерал наблюдал из окна, как девушка садится в машину с легко запоминаемым телефонным номером на дверцах. Принимая вызов, всегда спрашивают конечный адрес. Этим и воспользовался генерал. Позвонив диспетчеру, он назвал свой адрес и попросил отвезти его туда же, куда в семь утра доставили его «знакомую».

Таким образом Алекс Баюкин оказался у шестнадцатизэтажного дома, где произошла трагедия, и сразу заметил автомобиль со смятой крышей. Тело девушки уже увезли, но впечатлительные домохозяйки охотно описали погибшую и даже назвали ее имя — Катя!

Алекс позвонил отцу. Генерал долго матерился, а потом велел удостовериться, что это та самая воровка, которая его облапошила. Он сообщил сыну верную примету.

Звонок в службу «Скорой помощи» — и вот Алекс у дверей нужного морга.

Баюкин-младший чувствовал нарастающую злость и не скрывал своего настроения от долговязого санитаря в голубой медицинской шапочке и замызганном клеенчатом фартуке.

— Здесь моя девушка. Ее сегодня привезли. Она упала с крыши.

— Нормально. Хотите заказать похороны? Я знаю лучшего агента, вот его визитка! — оживился долговязый и протянул Алексу черную карточку с золотым тиснением.

— Я хочу взглянуть на нее, — выдавил из себя Алекс.

— Нормально. Организуем. Вам как подготовить: по первому разряду или по второму?

— Что?

— По первому дорожке, но клиент будет выглядеть, как свежий персик. А по второму — ну, как морковка из грядки.

— Я хочу увидеть Катю сейчас! — с трудом сдерживался Алекс.

— Нормально, — пожал плечами санитар. Похоже, это слово соответствовало любому случаю из его жизни. — Проходи. Только без нашего макияжа клиенты не очень.

В холодном помещении с некогда белым кафелем во всю стену, сточными решетками в полу и тусклыми плафонами на крашеном потолке стоял удушливый запах формалина. Санитар натянул резиновые перчатки, подвел Алекса к металлической каталке, на которой покоилось тело, и откинул простыню с головы трупа. На матовом лице девушки выделялся вздувшийся глаз и засохшая кровь, вытекшая из перекошенного рта.

— Я предупреждал, — виновато произнес санитар, заметив первую реакцию посетителя.

Алекс почувствовал спазм в желудке, но справился с собой и сдернул простыню с трупа. Не обращая внимания на внутренние переломы и синюшные пятна кровоизлияний, он оценил стройную фигуру девушки. «Па-

паша, кобель, с молодыми кувыркается, а я толстозадую продавщицу вынужден уламывать».

— Переверни ее, — кивнул Алекс санитару.

— Нормально! На хрена?

— Переверни, я сказал! — недобро сверкнул глазами посетитель.

Санитар побряхтел, но выполнил просьбу. Алекс старался не смотреть на разбитую голову и неестественное положение ног относительно туловища. Его взгляд был прикован к татуировке на пояснице девушки. Он навел телефон и сфотографировал бабочку крупным планом.

Выйдя из холодильника, Алекс спросил:

— Где ее одежда?

— Ей не холодно, — огрызнулся долговязый санитар.

Грубый ответ послужил спусковым крючком для взвинченного Алекса. Он ударил санитару кулаком в живот. Тот, охнув, сложился пополам, и Алекс обрушил на затылок бедняги сцепленные кулаки. Санитар рухнул. Алекс принялся молотить упавшего ногами, требуя показать одежду девчонки.

На шум выбежал другой — небритый санитар. Ударом сзади он сбил Алекса с ног, вывернул ему руку и жестко придавил коленом спину.

— Будешь бузить, у нас местечко и для тебя найдется, — пригрозил небритый и спросил у поверженного коллеги: — Что ему надо?

Долговязый санитар поднялся и вытер кровь на губе.

— Нормально, да? — возмутился он и от души пнул обидчика. — Он псих. Требуется показать шмотки девки, которую сегодня привезли.

— Псих, говоришь? — Небритый заглянул в глаза Алексу.

— Натуральный!

— Тогда лучше показать. — Прежде чем отпустить буйного посетителя, небритый санитар до предела зало-

мил руку Алекса и предупредил: — Посмотришь — и проваливай!

Алексу швырнули большой черный пакет. Он проверил карманы куртки, перетряхнул остальную одежду и даже сунул руку в сапоги. Конверта не было. Алекс метнул взгляд на санитаров, стоявших у него над душой.

— Где ее сумочка?

— Ишь чего захотел! Это криминальный труп шлюхи. Сумочку ищи у следователя или у сутенера. А нам не мешай работать.

Силы были неравны. Алекс вышел на свежий воздух и отправил отцу сообщение с фотографией татуировки. Тот ответил практически сразу.

— Это она, я хорошо помню бабочку у нее на пояснице, — оживился отец. — Конверт был при ней?

— В одежде его нет. Но у нее должна была быть сумочка. Узнай через своего адвоката, какому следователю поручили это дело.

— Думаешь, сумку уже изъяли?

— Она либо у следака, либо у сутенера. Я попробую найти сутенера. Что ты о нем знаешь?

— Девчонка упоминала какого-то Борьку Беспалого. Но я никогда его не видел.

— Где ты ее подцепил?

— Я вышел на эту чертову воровку через агентство «Нежная лилия». То ли модельное, то ли эскорт-услуги, в общем, работают с первоклассными шлюхами. Я нашел его в Интернете.

— Тогда и я найду, — заверил отца Алекс.

7

В баре на тридцать первом этаже гостиницы «Украина», получившей новое название — отель «Рэдиссон Ройал», за стеклянным столиком у панорамного окна сидел

шестидесятилетний господин. Его редкие, явно крашенные волосы были зализаны назад. Удлиненные бакенбарды, тоненькие усики, твидовый пиджак, атласный шейный платок и изящная белая трость, прислоненная к креслу, придавали ему старомодный, но элегантный вид. У господина был эстонский паспорт, и звали его Тармо Кильп.

Он нервничал. Эстонцу изрядно надоело любоваться стальной поверхностью Москвы-реки, Белым домом российского правительства и гигантской рекламой «Газпрома» на соседнем здании. Кресло напротив него пустовало. Он ждал проститутку Катю. Как обычно, они не сразу пойдут в номер, выпьют по коктейлю, Кильп примет таблетку «виагры» и подождет, когда стимулятор начнет действовать. В его возрасте лучше не экспериментировать, а иметь дело с одной и той же девушкой, которая знает, как обеспечить результат.

Кильп выбрал этот бар не из-за панорамного вида на российскую столицу. В барном меню значится «Зеленая фея» — это настоящий семидесятидвухградусный абсент, который подают по всем правилам. На края пустого стакана кладут специальную дырявую ложечку с кубиком сахара. Через сахар медленно, капля за каплей, наливают абсент. Затем сахар поджигают. Он превращается в карамель, стекающую в крепкий напиток.

Тармо Кильп заранее убедился: если налить слишком много, можно случайно воспламенить абсент в стакане. На этом и строился его сегодняшний расчет. В зеленом пламени как бы невзначай должен вспыхнуть ценный конвертик, который принесет с собой девушка.

Эстонец посмотрел на часы. Где она, черт возьми?! Он достал смартфон. Недоступна? И так уже час прошел. Что происходит? Где конверт, который девчонка должна ему принести? Они ведь обо всем договорились!

Эстонец поелозил пальцами по дисплею, зашел на сайт модельного агентства «Нежная лилия» и набрал те-

лефон, указанный для контактов. Кильпа выслушали и соединили с менеджером Борисом.

— Я постоянный клиент, жду Катю, а она опаздывает и не отвечает. Что это значит? Когда она придет ко мне? — повторил вопрос Кильпа.

— Катька, дура, бросилась с крыши, — отрезал собеседник.

— Что? — опешил эстонец. — Как?

— С шестнадцатого этажа. Насмерть.

— Где это произошло? Я должен ее увидеть.

— А тебе не все ли равно, старый пень? Зайди на сайт, выбери другую телку.

— Но я хочу...

— Да пошел ты!

Борис Мануйлов, он же Беспалый, бросил трубку. Достали эти тупые клиенты! Ему бы их проблемы. Нет одной — бери другую! Шлюхи для того и существуют, чтобы дарить разнообразие!

Борис с ожесточением вдавил в переполненную пепельницу очередной окурок, взъерошил длинные волосы и вскочил с дивана. Когда-то на этом диване он классно отодрал провинциалку Катьку, приехавшую в Москву в надежде стать моделью. Пришлось долго втолковывать наивной дуре, каким местом лучше зарабатывать деньги в столице. Уломал, создал для нее райские условия, посылал к денежным клиентам, а сегодня неблагодарная стерва вон что отчебучила!

И это уже не первый случай. Дурной пример заразителен. Тогда обошлось, но теперь менты просто так не отвяжутся. На трубку уже звонили, он ее отключил. Но не сегодня завтра ушлые сыскари выйдут на него. И тогда начнутся неприятные вопросы.

Беспалый вздрогнул — издав противный электрический писк, включился домофон главного входа в агентство. Борис посмотрел на монитор. Легки на помине!

Перед дверью стояли двое мужчин. Сомнений не было — это оперативники. Сутенера часто дергали правоохранительные органы, и он научился узнавать их представителей по недоверчивым взглядам, оттопыренным рукам со «стволами» под мышкой и «позам охотника». Что ни говори, а оружие в наплечной кобуре меняет человека.

— Капитан Валеев, — представился один из посетителей. — Откройте, нам надо поговорить с Борисом Мануйловым.

Быстро вычислили!

Беспалый торопливо натянул кожаную куртку, проверил внутренний карман — конверт был на месте. В нем сейчас его спасение! Борис затащил на шею пестрый шарф, свернув его петлей, схватил ключи от машины и выскочил в коридор.

По пути к черному ходу сутенер столкнулся с девушками и прошипел:

— Меня здесь не было! Не проболтайтесь, сучки!

8

Девушка в голубой дутой куртке и надвинутой на лоб сиреневой шапочке, пугливо озираясь, вышла из метро у Казанского вокзала. На площади было многолюдно. Это вселяло тревогу и одновременно успокаивало. Тот страшный человек может за ней следить. Но здесь он не осмелится сделать то, что совершил возле ее дома. Тогда он обхватил ее сзади, сжал шею и наглядно продемонстрировал, что ее хрупкая жизнь находится в его власти.

Он зашипел ей в ухо и потребовал сдать сутенера. Она догадалась, кто на нее напал, и охотно выложила все, что знает о Борьке Беспалом. И об агентстве «Нежная лилия», и номер его сотового, и о стрип-клубе «Дикие кошечки», где любит зависать этот ублюдок, и о белой «Хонде»,

на которой он ездит. Получив информацию, мужчина скрылся. Лиза ощупала горло. Уцелела. Она надеялась, что этот жестокий человек переключит гнев на Беспалого, а ее оставит в покое.

Скоро она уедет далеко, станет богатой и начнет совсем другую жизнь!

Девушка вошла в здание вокзала и направилась к кассам. Отсюда отправляются поезда, которые идут в Сочи. Там настоящая весна, ласковое море и красивые горы. В курортном городе можно прекрасно провести лето. Ей надоели озабоченные клиенты, сволочь сутенер и жадные московские менты.

«К черту прошлое! Хочу, чтобы меня обслуживали!»

По пути к кассам девушка достала из сумочки паспорт. Развернула его и прочла — Елизавета Малышко. Уф! После всех этих передрыг легко забыть даже собственное имя.

Отстояв небольшую очередь, Лиза спросила кассиршу:

— Сколько стоит билет до Сочи?

— Вам плацкарт, купе или спальный вагон? Есть также разные классы поездов.

— А какой из них лучший?

— Фирменный, «Сочи Премиум». Отходит завтра утром. Билет в спальный вагон стоит...

Лиза удивилась, услышав сумму. Это почти все ее деньги! Она сунула руку в сумочку, ее наманикюренные пальчики наткнулись на плотный конверт. Вот оно, ее новое состояние!

— Будете брать?

— Я подойду попозже, — пообещала девушка. — А где на вокзале компьютеры с выходом в Интернет?

— Справок не даем, — процедила кассирша. — Следующий!

Лиза побродила по вокзалу и нашла компьютеры с платным доступом в Интернет. Девушке понравилось,

что каждый из них отделен перегородкой. Она придвинулась поближе к монитору, проследила, чтобы никто не стоял у нее за спиной, и осторожно приоткрыла конверт.

Первые запросы в Яндексе оказались неудачными. Не то! Не то! Неужели все впустую? Спустя несколько минут Лиза приноровилась и нашла нужную ссылку. Глаза девушки впились в экран. Вот это да!

Лиза подробно изучила несколько специализированных сайтов, спрятала конверт в сумку и прижала ее к груди. Предстояло подумать, как поступить со свалившимся на нее богатством. Вскоре решение было принято.

Она не будет экономить на комфорте и отправится к морю в наилучшем вагоне! Она заслужила новую жизнь! Если ловко провернуть дельце, денег хватит на любую прихоть. Но вначале надо подстраховаться. Она не дура, чтобы мотаться по Москве с бесценной сумочкой.

Лиза отыскала на вокзале почтовое отделение и приобрела обычный конверт для писем. Девушка тайком переложила в него почти все содержимое конверта из сумочки, тщательно запечатала и задумалась над адресом.

Ее блуждающий взгляд наткнулся на номер почтового отделения, где она находилась. Лиза переписала его на конверт, дополнила своим именем и словами «До востребования».

Потяжелевшее письмо скользнуло в щель и упало на дно синего почтового ящика, прикрепленного к колонне.

9

К воротам больницы подъехал седан бизнес-класса. Сидевший за рулем Тармо Кильп опустил стекло и помахал охраннику, сидевшему в будке, купюрой. Тот стряхнул крошки с усов и потрусил к посетителю. Купюра

сменила владельца, шлагбаум поднялся, и дорогой автомобиль двинулся по направлению к моргу.

Шестидесятилетнего господина охватил озноб нешуточного раздражения. От менеджера-сутенера Бориса он узнал об ужасном событии — Катя погибла. Лучше всего было бы забыть, выкинуть эту девчонку из головы и заменить ее на другую молоденькую шлюху. Но если бы все в жизни было так просто...

Катя нравилась Тармо. Она с выдумкой обслуживала его в постели, не забывала хвалить, когда все шло как надо, и не замечала мужских осечек. Однако не платный секс был главным в их отношениях. Кильп приблизил проститутку к себе, чтобы доверить ей крайне важное поручение. И этот момент настал. Сегодня Катя должна была принести ему особый конверт и получить щедрое вознаграждение. Необразованной девушке содержимое конверта мало о чем говорило, а вот для него представляло огромную ценность.

Тармо Кильп припарковал автомобиль рядом с фургоном для перевозки тел и направился к двухэтажному невзрачному зданию. В коридоре дурно пахнущего помещения эстонец поманил пальцем долговязого санитара с разбитой губой.

— Скажите, любезный. — Кильп раскрыл бумажник, демонстрируя готовность поделиться с собеседником его содержимым. — К вам сегодня поступила девушка после суицида. Моя любимая племянница.

— Ну, — нехотя подтвердил санитар.

После встречи с буйным Алексом он придиричливо оценивал нового посетителя.

— Мне бы с ней попрощаться. — Кильп крутил между пальцев пару тысячных купюр. — К сожалению, я улетаю и не смогу присутствовать на официальных похоронах.

— Нормально, — согласился санитар.

Он приподнял клеенчатый фартук и указал на карман. Деньги легли в предложенное место.

Вскоре Кильп стоял над телом девушки, которая в эти минуты должна была ублажать его в постели. Ее лицо было разбито, прекрасные губы, которыми проститутка так умело поднимала его плоть и настроение, превратились в засохший кровавый оскал. И только густые черные волосы сохраняли былую привлекательность.

Прикрывая нос платком, Кильп придирчиво осмотрел тело. Особо его заинтересовали бедра девушки. Посетитель хмурился, то ли от недовольства, то ли от тяжелой обстановки.

Выпрямившись, Кильп попросил санитаря перевернуть тело погибшей. Работник морга красноречивым жестом приподнял фартук и указал на карман. Кильп кивнул в знак согласия и взмахами руки поторопил долговязого.

Татуировку в виде бабочке Кильп узнал легко. Во времена его молодости наколки свидетельствовали о принадлежности к уголовному миру, а сейчас превратились в украшения для раскрепощенной молодежи. Эстонец во многом был консерватором, однако тату на молодых гибких телах ему нравились, поэтому он и запомнил легкокрылую бабочку Кати.

В коридоре Кильп вспомнил о главном и полез в карман за бумажником.

— Мне надо осмотреть вещи племянницы.

— Нормально. — После стычки с психом санитару было приятно иметь дело с понимающим человеком.

Осмотр одежды погибшей девушки ничего не дал. Кильп приуныл.

— А сумочка? Была при ней сумочка? Понимаете, у Кати хранилось мое личное письмо. Я хорошо заплачу, если удастся его вернуть.

Алчный мозг долговязого санитаря озарила коммерческая идея — не принести ли старому хрычу какую-

нибудь другую женскую сумочку, а вдруг прокатит? Но, вспомнив, что посетитель упомянул о письме, санитар с сожалением признался:

— Это все, что было при ней. Точнее на ней.

Вернувшись в автомобиль, Кильп задумался. Его терзали обоснованные сомнения. Его богатый рискованными приключениями жизненный опыт не оставлял сомнений: неожиданная смерть в самый ответственный момент не может быть случайной! Всегда есть тот, кто в этом заинтересован. А если так, то жди продолжения. Самого неприятного.

Эстонец достал сотовый телефон и позвонил:

— Вениамин, привет! Это Тармо. У меня к тебе большая просьба. Если в ближайшие дни тебе принесут нечто необычное, позвони мне. И сделай так, чтобы я пересекся с этим человеком... Что конкретно должны принести? Вениамин, у тебя глаз наметан. Поверь, когда ты увидишь *это*, ты сразу все поймешь. И учти, моя благодарность будет выражена не только словами.

10

Рабочее время уже закончилось, но в кабинете следователя Петелиной горели все осветительные приборы. Елена Павловна сидела за рабочим столом спиной к темному окну. Настенные часы, много лет назад подаренные ей недовольным мужем, хранились в коробке на нижней полке стеллажа. Так создавалась иллюзия, что день продолжается и можно спокойно работать.

Петелина просматривала на мониторе ноутбука фотографии, сделанные экспертом Михаилом Устиновым на месте происшествия. Или все-таки преступления? Девушка сама упала с крыши или ей помогли? Кому выгодна ее смерть? Елена неизменно испытывала особую

профессиональную злость, когда лишали жизни молодых девушек.

Она раскрыла паспорт Екатерины Игоревны Гребенкиной. Выдан в районном центре Грайворон Белгородской области. На фотографии девочке всего четырнадцать, на год больше, чем сейчас ее дочери Насте. В настороженном подростке трудно узнать сформировавшуюся двадцатидвухлетнюю девушку, нашедшую ужасную смерть на капоте автомобиля. Несмотря на разбитое лицо, заметно, что она была симпатичной. Жаль, что профессию такую избрала, но ведь это из-за недосмотра родителей. Папаша только в пятьдесят лет о дочке вспомнил, а мать отправилась искать женское счастье за границей.

Приоткрыв дверь, в кабинет юркнул худой и как всегда взъерошенный эксперт Устинов. Они договорились, что Петелина будет допоздна ждать его с первыми результатами.

— Что думаешь, Миша? — спросила Елена Павловна и тут же поделилась накопившимися сомнениями: — Для суицида девушка действовала очень быстро и решительно. Встретилась с отцом, пообещала непонятный сюрприз, поднялась на крышу и... Если бы она хотела причинить отцу боль, то крикнула бы что-нибудь с крыши, заставила бы его терзаться чувством вины, отговаривать ее. Девушки, как правило, долго не решаются сделать последний шаг. Им важен не только результат, но и то, как они будут выглядеть до и после... А здесь такой ужас.

Петелина указала на монитор ноутбука, а затем захлопнула крышку.

— Склоняетесь к версии убийства? — вступил в беседу Головастик, присаживаясь напротив следователя.

— Возможен несчастный случай. Наклонилась, чтобы крикнуть отцу, поскользнулась и...

— А вот с этим я не согласен, — решительно заявил Михаил.

Петелина сцепила пальцы и с любопытством посмотрела в глаза молодому самоуверенному эксперту. У Головастика была одна особенность — он любил говорить намеками, ожидая, пока собеседник сам обо всем догадается.

— Аргументируй, — не выдержала испытания следователь.

— Объясняю, — изрек любимое словечко эксперт. — Явных следов борьбы, вроде испорченной одежды или оторванных пуговиц, ни на теле погибшей, ни на крыше я не обнаружил.

— Значит, несчастный случай. Девушка наклонилась и потеряла равновесие.

— Я не закончил.

Михаил Устинов достал из пакета пластиковую куклу.

— Это еще что?

Эксперт установил куклу на краю стола.

— Проведем следственный эксперимент. Допустим, девушка наклоняется, теряет равновесие и летит вниз. — Михаил продемонстрировал сказанное на кукле. — В процессе падения она переворачивается и в итоге падает либо спиной вверх, либо на спину, но ногами от дома. Так?

Елена встала и обошла стол, чтобы увидеть куклу, упавшую на пол.

— А девушка лежала... — начала догадываться следователь.

— Совершенно верно! Лицом вверх, головой от дома. Это могло произойти только в том случае, если она изначально падала спиной вниз. — Эксперт продемонстрировал падение на кукле. — Какой вывод?

— Ее толкнули. — Петелина задумалась и с сомнением покачала головой. — Толкни меня.

— Вас?

— Толкай, Миша. Это следственный эксперимент!

Смущенный эксперт поднял руки повыше, чтобы не угодить в грудь женщины, и толкнул ее в плечи. Елена отшатнулась, но успела схватить Головастика за рукава.

— Инстинкт самосохранения, — пояснила она. — Ты сам доказал, что падала Гребенкина спиной, поэтому ее могли толкнуть только в грудь. А у девушки длинные крепкие ногти, хотя бы ворсинка ткани должна была остаться. Ты вычистил у нее под ногтями?

— Жилой двор, Елена Павловна. Дети из окон пялились. Хотелось быстрее убрать тело.

— Надо предупредить патологоанатома.

— Зато я разобрался с коньяком.

— С бутылкой, найденной на крыше?

— Да. Бутылка вскрыта непосредственно перед употреблением. Это я определил по не окислившимся зазубринам на крышке. На бутылке отпечатки только одного человека — погибшей Екатерины Гребенкиной. Температуру коньяка я зафиксировал на месте — на три градуса выше температуры воздуха. Напомню, было всего пять градусов.

Эксперт замер, ожидая ответа на невысказанный вопрос.

Петелина начала рассуждать:

— Если Гребенкина принесла бутылку в сумочке, то коньяк не успел бы так быстро охладиться. Если коньяк был припрятан на крыше заранее, то его температура совпадала бы с температурой воздуха. Но она только приближалась к этой температуре. Значит, Катю Гребенкину кто-то ждал на крыше с коньяком.

— Записка о сутенере: «Борька сволочь», — напомнил эксперт.

— Что мы имеем? — Петелина села за стол. Тонкий карандаш в ее руке стал выводить на чистом листе стрелки, кружочки и знаки вопроса. — Катя встречает отца и вдруг лезет на крышу. Зачем? Там ее ждет сутенер Борис

Мануйлов, чтобы помянуть погибшую Стелу Сосеску. А Катя решила хитростью вывести сутенера на расправу к отцу...

— Я не думаю, что сутенеры столь сентиментальны, — заметил Миша. — Ему наплевать на поминки.

— Допустим. Тогда еще одна версия. А если отец возненавидел дочь-проститутку? О происшедшем мы знаем только со слов Гребенкина. Его с дочерью видели автомобилисты. Но они совершенно теряются во времени. Сколько прошло минут, с тех пор как девушка зашла в подъезд и упала с крыши? Что в это время делал Гребенкин, оставался ли он во дворе — они даже этого не помнят. А после того, как труп упал на крышу машины, вообще полный шок. Как быстро появился Гребенкин? А вдруг это он столкнул Катю и спустился на лифте?

— Гребенкин угрожал поквитаться с сутенером...

— Это укладывается в версию слепой мести. Он наказал и опозоренную дочь, и ее совратителя.

— Гребенкин похож на простака, а не на ловкого мстителя.

Елена Павловна кивнула, оценила получившийся рисунок и вздохнула:

— Сплошные вопросы.

— Без вопросов неинтересно.

Перед тем как уйти, Головастик кивнул на фотографию, стоявшую в рамочке на столе следователя:

— Вам куклу оставить? Для дочери.

Петелина посмотрела на снимок, на котором Настя была запечатлена первого сентября в первом классе — с букетом и шикарным бантом.

— Ох, Миша. Она куклы на игру в керлинг заменила. Пупсам двадцатикилограммовые камни теперь предпочитает, — улыбнулась Елена.

На столе затрещал рабочий телефон. Эксперт вышел. Следователь взяла трубку и услышала вежливый вопрос:

— Елена Павловна?

Петелина обрадовалась, узнав голос патологоанатома Ивана Ивановича Лопахина. Она не знала точно, сколько ему лет, но была уверена, что он резал трупы и писал заключения для следователей, которые давным-давно вышли на пенсию. Как поговаривал ироничный Лопахин: «Даже самый лучший хирург мне в подметки не годится. Я не получил ни одной жалобы от пациентов».

— Иван Иванович, только что о вас вспоминала.

— Помяни черта, он тут как тут. Порой мне кажется, что я работаю в его приемной.

— В таком случае я — турагент, поставляющий клиентов...

— Для путешествия в один конец.

Елена подыгрывала патологоанатому, полагая, что только благодаря самоиронии Лопахин смог проработать на такой должности долгие годы. Но пора было переходить к делу.

— Иван Иванович, к вам поступит тело Екатерины Гребенкиной. Обратите внимание на эпителий и ворсинки ткани под ее ногтями.

— Я потому и звоню, что на все обращаю внимание. Тело бедняжки сначала отвезли в ближайший морг. Пришлось организовать перевозку ко мне, в судебный. И вот что санитары мне рассказали.

— Я вся внимание.

— Представьте, Елена Павловна, в больничном морге бедной девочкой уже интересовались двое — один назвался ее другом, другой дядей. Приезжали они по отдельности. И оба хотели взглянуть на ее вещи, особенно на сумочку.

Елена нахмурилась и перевела взгляд на диван. Там в полиэтиленовом пакете лежала маленькая сумочка погибшей. Следователь машинально положила ее, когда только вошла в кабинет и стала включать свет. Вот они, издержки первого дня после отпуска!

— Спасибо, Иван Иванович. Как только будут результаты...

— Всенепременно.

Следователь попрощалась с патологоанатомом и перенесла сумочку к столу. Щелкнула застежка, пальцы в перчатках аккуратно расстегнули молнию. Петелина вывернула содержимое сумочки на расчищенный стол. Ее глаза сразу заметили главное.

Ну надо же!

11

Дома Елену встретила недовольная мама. Ольга Ивановна Грачева жила в соседнем подъезде, встречала внучку Настю после школы и водила ее на тренировки по керлингу. Мама Елены Павловны дипломатией не отличалась и говорила то, что думала:

— Нормальные люди в отпуске по дому скучают, а ненормальные — по работе.

— Задержалась, мамуль. Дела.

— Уголовные. А ты о домашних делах подумала? В квартире пыль, холодильник пустой, пришлось мне сумки из магазина на себе переть, чтобы ужин приготовить.

— Откуда пыль? Нас две недели не было.

— А пыль по Таиландам не ездит. Она норовит с улицы — и в дом! Если не убирать, как ленивые римляне в Помпеях, то пылью целый город завалит.

— Mam, там извержение Везувия было.

— Ты мне Везуием голову не морочь. Не успеваешь сама — найми прислугу, а у меня и от своей квартиры поясицу ломит.

Из комнаты вышла дочь Настя. Елена заметила в глазах тринадцатилетней девочки неподдельную грусть.

— Что случилось, Настя?

— Пока я на слоненке в Таиланде каталась, первенство Москвы пропустила.

— Подумаешь. Будут другие соревнования.

— Тренер обиделась и поставила Веру скипом. Теперь она капитан. Девчонки говорят, меня на второй номер поставят. Обидно.

Елена обняла дочку.

— Нам же было хорошо на море.

— Это тебе с Валеевым было хорошо. Каждый день от меня запирались.

Елена смутилась. На теплом море в легких одеждах их и впрямь лихорадило, как ненасытных влюбленных в медовый месяц.

— Оставляли девочку без присмотра? — наострила уши Ольга Ивановна. — В чужой дикой стране, где слоны и джунгли...

Открылась входная дверь. Со службы вернулся Марат. За месяц до отпуска он переехал к Петелиной, и они не скрывали от коллег свою связь.

— Все еще капитан? — встретила новоявленного зятя Ольга Ивановна.

— Мама, тебе пора домой, — тут же вмешалась Елена. — В субботу я приберусь. И спасибо за ужин.

— До субботы еще дожить надо, — буркнула Ольга Ивановна, собирая в прихожей свои вещи.

Ранее она выступала против связи умной, успешной, красивой дочери с обычным капитаном, да еще и «татарином, прости господи». Но когда убедилась, что решение Лены не изменить, стала проявлять заботу иначе. При всяком удобном случае Ольга Ивановна спешила уколоть зятяка и взглядом, и словом. Вот и на этот раз не утерпела:

— Регистрировать отношения собираешься? Или порезвитесь и разбежитесь?

— Мама, давай потом поговорим. Вот твой шарф, — перебила ее дочь.

— Конечно, мне нельзя болеть. Кто ж тогда будет с Настей сидеть и супы варить?

Елена стерпела упрек и сочла, что лучше промолчать, но мать подобной вежливостью не отличалась.

— Раз уж живете вместе, ты бы, Лена, этому лоботрясу помогла по карьерной лестнице продвинуться. Слышишь, Валеев? — повысила голос Ольга Ивановна. — Я не дам согласия на ваш брак, пока ты не станешь майором!

— О господи! — выдохнула Елена, закрывая за матерью дверь. — Не обращай внимания, Марат. Она хочет нам добра.

— Представляю, что будет, если она захочет зла!

Через два часа Елена в свете ночника сидела на краешке кровати и втирала питательный лосьон в сухую кожу, щедро окрашенную двухнедельным загаром. Сзади подкатился Марат и сунул руки под ночную сорочку.

— Холодные! — сжалась Елена и шлепнула нетерпеливого мужчину по руке. — Что с сутенером? Почему его не нашли?

Марат привык, что Лена постоянно думает о службе и готова говорить о делах даже в постели.

— В модельном агентстве Бориса Мануйлова мы не застали, но многое о нем выяснили.

— Что-нибудь интересное?

— Ему тридцать четыре. В двадцать лет играл на гитаре в популярной рок-группе. Говорят, был лучшим. Ребята гастролировали и вели себя как и положено рок-музыкантам — выпивка, девочки, оргии. И вот в одном из городов к нему в номер ворвался бандит — Мануйлов был с его девушкой. Бандит поступил мудро, убивать не стал, даже лицо парню не попортил. Он сунул левую руку Мануйлова между дверью и косяком и несколько раз прижал его пальцы.